

Ричард Данн

ЭПОХА РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

Ричард Данн

Эпоха религиозных войн. 1559-1689

«Центрполиграф»

Данн Р. С.

Эпоха религиозных войн. 1559-1689 / Р. С. Данн —
«Центрполиграф»,

Профессор истории Пенсильванского университета Ричард С. Данн положил в основу своей книги водоворот религиозных событий в Европе в эпоху абсолютизма. 130 лет между 1559 и 1689 гг. были эпохой протестантско-католической борьбы, проявившей все расширяющуюся пропасть между Западной и Восточной Европой. Гражданская война во Франции, восстание в Нидерландах против Филиппа II, шотландский бунт против Марии Стюарт, испанская атака Англии, Тридцатилетняя война в Германии, пуританская революция, Славная революция в Англии – все это религиозные конфликты, но вызванные одновременно и другими причинами. Идеологическое противостояние, активно распространившееся с прекращением династических войн между Габсбургами и Валуа, наложило отпечаток практически на все стороны европейской жизни: на политику партий, на социальную структуру, на науку, философию и искусство...

© Данн Р. С.
© Центрполиграф

Содержание

Введение	5
Глава 1	7
Религия и политика	8
Испания времен Филиппа II	13
Религиозные войны во Франции, 1562 – 1598	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ричард Данн

Эпоха религиозных войн. 1559—1689

Введение

130 лет между 1559 и 1689 гг. стали для Европы периодом анархии, гражданских войн и восстаний. У каждого бунта был свой особый характер и свои цели. Единственным общим знаменателем, проявляющимся снова и снова, была протестантско-католическая религиозная борьба. Лютер вызвал к жизни идеологическое противостояние в 1517 г., но с еще большей интенсивностью оно распространилось с прекращением династических войн между Габсбургами и Валуа в 1559 г.

Гражданская война во Франции 1562—1598 гг., восстание в Нидерландах против Филиппа II, шотландский бунт против Марии Стюарт, испанская атака Англии в 1588 г., Тридцатилетняя война в Германии в 1618—1648 гг., пуританская революция 1640—1660 гг. и Славная революция в Англии в 1688—1689 гг. – все это религиозные конфликты, хотя, безусловно, одновременно вызванные и другими причинами. Это был век еретиков и мучеников, псалмопевцев с оружием в руках. Наиболее воинственными еретиками были сподвижники Джона Кальвина и святого Игнатия Лойолы. Между 1559 и 1689 гг. кальвинисты установили контроль над Шотландией и северными провинциями Нидерландов, быстро распространили свою власть на Англию и попытались выйти за ее пределы во Францию, Германию, Польшу и Венгрию. Католики, вновь набравшие силу в середине XVI в., до конца XVII в. стремились восстановить единство христианской церкви. Во Франции, Фландрии, Австрии и Богемии им в конце концов удалось потеснить протестантизм. Обеим сторонам этого противостояния пришлось привлечь в свои ряды многих высокопоставленных и облеченных властью людей. Вскоре религиозное рвение угасло. Но к тому времени, как идеологическое противостояние постепенно сошло на нет, оно успело наложить свой отпечаток на практически все стороны европейской жизни: на концепцию независимости и толерантности, на политику партий, на ведение дел, на социальную структуру, науку, философию и искусство. Последние религиозные разногласия были улажены во время Славной революции.

В период с 1559 по 1689 г. европейцы, несомненно, были полностью вовлечены в водоворот религиозных событий. Фанатиков было не так много, и постоянные восстания и бунты уравнивались общим стремлением восстановить порядок.

Эра, начавшаяся правлением Филиппа II в Испании и завершившаяся царствованием Людовика XIV во Франции, и носит название эпохи абсолютизма. Впрочем, этот термин не может быть применен к Англии или Голландии, которые отказались изменить свой привычный средневековый уклад конституционального выборного правительства и в течение XVI—XVII вв. внедрили новую концепцию гражданской свободы и публичного представительства.

В экономике 1559—1689 гг. мы можем наблюдать так называемую революцию цен. Доктрина меркантилизма, новая формула экономического планирования, внедренная на государственном уровне, стала широко популярна. Впрочем, многие бизнесмены, например в Голландии, были антимеркантистами. Голландский коммерческий капитализм как раз достиг своего расцвета в эти годы, и Амстердам стал ведущим торговым и финансовым центром Европы.

Ни одно из достижений XVII в. не затмевает сегодня интеллектуальную революцию в математике, астрономии и физике, совершенную Галилеем, Декартом и Ньютоном. Если говорить об искусстве, это была эра барокко – нового пышного стиля в живописи, скульптуре и архитектуре.

В это же время в Англии, Испании и Франции свой золотой век переживает театр: театралы восхищаются пьесами Шекспира, Лопе де Вега и Мольера. Таким образом, общество, которое мы будем рассматривать далее, было чрезвычайно богато духовно.

Период с 1559 по 1689 г. показал все расширяющуюся пропасть между Западной и Восточной Европой. Капитализм Западной Европы процветал, тогда как аграрная Восточная Европа находилась в состоянии стагнации. Ведущие страны Западной Европы – Испания, Франция, Англия и новая Голландская республика – представляли собой развитые национальные государства, в то время как страны Восточной Европы – Священная Римская империя, Турецкая империя и Польша – медленно угасали. Религиозные войны были более разрушительны в Германии, нежели в странах, граничащих с Атлантикой, где противостояние спровоцировало появление новых моделей в экономике, политике и искусстве. Поэтому наше внимание более всего привлекает Западная Европа.

Развитие даже самых успешных стран Западной Европы тормозилось примитивностью техники, поэтому уровень дохода населения отставлял желать лучшего. Период 1559—1698 гг. показал постоянно расширяющуюся пропасть между высшими и низшими классами, богатыми и бедными. Находящиеся на самом верху социальной лестницы сравнительно немногочисленные аристократы, лендлорды, монополизировали всю политическую власть, социальные привилегии и доходы. На социальном дне находились миллионы крепостных крестьян Восточной Европы и рабочих Западной Европы (которые составляли практически шесть седьмых населения), ведущих жалкое существование, лишенных образования и доходной работы, не имеющих никакого имущества и минимальных удобств человеческой жизни. Тем не менее из этого антидемократического общества вышли многие демократические идеалы и ценности, которыми мы гордимся сегодня. А высшие слои общества начали интеллектуальный бунт против власти, который продолжает существовать и сегодня.

Глава 1

Кальвинизм против католицизма в Западной Европе

Весной 1559 г. послы Филиппа II Испанского и Генриха II Французского встретились на нейтральной территории – в епископском дворце в Като-Камбрези, небольшом городке на границе Франции и Голландии, – для подписания мирного договора между их королями. Филипп и Генрих были самыми влиятельными принцами в Европе, и оба нуждались в перемирии. Их династии, Габсбурги и Валуа, враждовали более половины века, а их богатства были неописуемы. Более того, католический король Испании и самый ярый король-христианин Франции имели общего врага. Из средней части Европы на территорию Франции и Испании распространялась протестантская ересь, и Филипп и Генрих желали остановить это. Таким образом, дипломаты в Като-Камбрези вели переговоры о заключении долгосрочного мира. Французы отказывались от своего намерения отобрать Италию и страны Бенилюкса (Нидерланды, Бельгию и Люксембург) у Испании; испанцы отказывались от намерения раздела Франции. Мирный договор в Като-Камбрези был более победой Габсбургов, нежели Валуа, поскольку Франция оказалась окружена территорией, находившейся под властью Габсбургов. Но Франция Валуа в 1559 г. была богатой и влиятельной. Несомненно, это соглашение было значимо для Филиппа и Генриха. Объединение двух родов было способно разгромить протестантизм на своих территориях и собрать силы для объединения христианской церкви.

Но, к их удивлению и смятению, мирный договор привел к новой эре гражданских войн и бунтов, с которыми Габсбурги и Валуа были не в силах справиться. Религиозный конфликт, поглотивший Центральную Европу в 1517—1555 гг., с новым революционным запалом двигался в Западную Европу между 1560 и 1600 гг.

В Германии борьба временно приостановилась. Перемирие между католиками и протестантами в Римской империи, установившееся в 1555 г. благодаря Аугсбургскому альянсу, продлилось до начала XVII в. Но в Западной Европе голландский кальвинизм бунтовал против испанского габсбургского контроля над Нидерландами, в то время как французские кальвинисты (или гугеноты) восстали против Валуа и на 40 лет погрузили Францию в гражданскую войну.

В то же время в Англии и Шотландии кальвинисты, католики и англиканство боролись за политическое превосходство. В итоге Западная Европа стала гигантским полем битвы для двух религиозных армий, кальвинистов и католиков.

Кальвинисты опирались на догматы Женева, бросая вызов Франции, Нидерландам, Британским островам. Они были бесстрашными бунтовщиками, несмотря на свою малочисленность, поскольку вышли в основном из высших и средних слоев общества. И они были упорны и уверены в себе. Католики, возглавляемые Филиппом II, использовали ресурсы Испанской империи, дабы разгромить французских гугенотов и вернуть Британию и Голландию на путь Рима. Кальвинисты и католики удивительно похожи друг на друга в своем консерватизме, они твердо придерживались средневекового убеждения о том, что церковь не терпит разнообразия. Должна быть только одна интерпретация заповедей, один путь к спасению. Только победив силы дьявола, можно создать христианский рай на земле. Кроме того, и католицизм, и кальвинизм моментально вливались во все сферы жизни, что и давало их приверженцам такую власть. Обе стороны представляли собой силы, трансформирующие западную цивилизацию, – всемирная экспансия в Азию и Америку, капитализм, национализм, борьба за независимость, – и они делали это с Божьего благословения. Борьба католиков и кальвинистов была, с одной стороны, последним бунтом Средневековья, с другой – первой войной между нациями. Подобных противостояний не существовало ни до, ни после этого.

Религия и политика

С того момента, как в 1517 г. Мартин Лютер выступил со своими «95 тезисами», религиозное противостояние между католиками и протестантами стало еще и политическим процессом. Это было неизбежно. Кризис отразился на отношении человека ко всему. Церковь имела огромные политические и экономические ресурсы, и после нападения на основные доктрины Рима протестанты вскоре атаковали и институт церкви. Протестанты и католики пытались использовать государственную власть в своих целях, а короли получали прибыли, участвуя в конфликте.

Со смертью Джона Кальвина в 1564 г. инициатива протестантов несколько угасла. Более того, со смертью святого Игнатия Лойолы в 1556 г. и завершением деятельности Тридентского собора католическая реформистская программа практически прекратила существование. Идеологическая борьба на время замерла. Поскольку и протестанты, и католики потеряли свою духовную инициативу, они взамен развили политическую активность.

Конфликт между католиками и протестантами конца XVI в. произошел во многом из-за доктрины предопределения. Центральные вопросы духовных и интеллектуальных споров были исследованы, обсуждены и сформулированы между 1517 и 1564 гг. Во второй половине века не появилось ни одного протестантского теолога, сравнимого с Лютером, Цвингли или Кальвином. Протестанты разделились на целый спектр сект, ревностно оберегающих заветы своей церкви, с хорошо прописанной доктриной, идеологическими и институциональными особенностями. С точки зрения католиков, эффект церковной реформы 1530 г. заключался в сломе всех главенствующих протестантских догматов. Тридентский собор провозгласил духовный приоритет существующих католических ритуалов. Задолго до разделения церкви соборная реформа увеличила иерархическую власть пап, кардиналов, священников. Римская инквизиция и список разрешенных книг помогали защитить верующих от протестантской пропаганды, так же как женеvская консистория защищала ортодоксальных кальвинистов от разрушительного внешнего влияния. После 1560 г. протестанты и католики потеряли интерес к духовным или интеллектуальным спорам, казалось, что им больше нечего сказать друг другу. Каждая сторона старалась теперь повергнуть другую с помощью явного применения силы.

Если религиозная сторона спора постепенно утрачивала свою значимость и важность, то политическая неуклонно набирала вес. Ранее, как раз между 1520 и 1550 гг., короли и принцы Центральной и Восточной Европы были вынуждены организовать борьбу между протестантами и католиками на очень высоком уровне. Кронпринц Германии, который защищал Лютера от папы и императора, воспользовался новой религией с энтузиазмом. Национальная протестантская церковь Швейцарии, Дании и Англии, развивавшаяся в 1520—1530 гг., также была основана королями, которые быстро присвоили себе доходы, полученные от папы.

Как замечает Г.Р. Элтон, «реформация поддерживала себя, когда она была угодна высшей власти, правителям и королям, она бы не выжила, если бы власть решила задавить ее». К середине XVI в. даже католические правители выбрались из кризиса. Германские князья, Габсбурги в Испании и Валуа во Франции требовали папского договора, который ужесточал бы их власть над местной церковью. Они относились подозрительно к любому проявлению власти папы. Солдаты Карла V разграбили Рим, а не Виттенберг в 1527 г. И когда папство с запозданием отдало часть денег для реформы, и Габсбурги, и Валуа отказались подписать большую ее часть, отклонив особенно те статьи Тридентского собора, которые затрагивали их суверенную власть. В отказе сотрудничать с Римом католические правители пресекли намерение папства возратить церкви политическую власть, как это было в Средневековье.

Покровительствуя протестантским реформаторам, протестантские правители были уверены в том, что их реформы не зайдут слишком далеко.

После 1560 г. восточноевропейские правители недолго смогли сдерживать натиск революционной силы религиозного кризиса. Кальвинисты и воинствующие католики начали восставать против политической неприкосновенности. Они организовали эффективную оппозицию против правителей, не разделяющих их религиозных убеждений. Под знаменами священной войны поднялась волна гражданских беспорядков и восстаний против конституционной власти. Мария, королева Шотландии, потеряла свой трон и собственную жизнь. Французская королева Екатерина Медичи оказалась между гугенотами и радикальными католиками. Во время ее правления рухнула династия Валуа и централизованная французская власть потерпела крах. Король Испании Филипп II был гораздо более героической фигурой, нежели Мария или Екатерина, и первым из всех правителей XVI в. сумел сдерживать натиск церкви. Он надеялся продлить правление своей династии за счет уничтожения еретиков, но, как оказалось, чрезмерно рисковал ради веры. Как доказывают события, он пошел на слишком большой риск и вместо того, чтобы приобретать территории, он их терял. Он спровоцировал кальвинистское восстание в Нидерландах, которое не смогли подавить; его вмешательство во французские Религиозные войны вызвало обратный эффект, и ему не удалось завоевать протестантскую Англию. Это было поучительно для двух других восточноевропейских правителей, которые намного лучше пережили религиозный кризис, так как они были более осмотрительными, чем Филипп. Английская королева Елизавета I и французский король Генрих IV проводили политику умеренности и компромиссов, которая в конечном итоге преодолела кальвинистский и католический кризисы. Но даже Елизавета и Генрих большую часть времени были заняты обороной.

Кальвинисты, с которыми у правителей было намного больше проблем, никогда еще не были столь многочисленны. Сам Кальвин был ограничен территориальными рамками: его маленький город-государство Женева на границе Франции и Швейцарии насчитывал всего 13 тысяч жителей. Но, как оказалось, учение Кальвина и его пресвитерианская церковная структура могут быстро распространиться среди крупных и властных центров. После его смерти в 1564 г. увеличилось количество его элитарных последователей во Франции, Нидерландах, Шотландии и Англии. Движение привлекало новобранцев из привилегированных классов: аристократов, землевладельцев, купцов и юристов. Люди не из привилегированных сословий,

такие как крестьяне и городские наемные рабочие, имели меньше шансов вступить в сообщество. Сегодня кальвинизм имеет репутацию репрессивного вероисповедания. Чем же тогда он привлек таких аристократических персон? Лучший ответ, возможно, в том, что он предлагал суровый, но чрезвычайно впечатляющий способ веры в Бога. Одни принимали кальвинистскую концепцию Бога-Абсолюта с Его всепроникающей властью и полного развращения человека, которое делает его неспособным для выполнения Божьих законов, изложенных в Библии. Другие верили в то, что Бог предопределил некоторых людей к спасению не за их достоинства (которых они не имеют), но исключительно благодаря Его милости.

Тот, кто принимал вышеуказанные истины, кто смирял себя перед волей Господа и испытывал неопишемую Божью милость, знали, что они находятся среди предопределенных избранных, святых, истинных христиан. Как объяснял сам Кальвин, «если свет Божественного провидения хотя бы раз осветил путь человеку, он потом пробуждается и становится свободным не только от опасения и страхов, терзавших его до этого, но и от любых волнений».

Многие исследователи неоднократно доказывали и аргументировали, что в XVI в. кальвинисты превратились в передовую радикальную политическую партию, аналогично якобинцам и большевикам в более поздние и более революционно настроенные времена. Конечно, их целью было создание нового мира, а не преобразование старого. До сих пор духовенство задыхалось от действий своих бездуховных соседей и надеялось, что Господь позволит им стать хозяевами и изменить ситуацию. Их братство было создано для того, чтобы разрушить сложившееся устройство социальной жизни и политики: кальвинизм был совершенно новым стилем жизни. Их социальной моделью стала Женева: маленький город с однородным населением и жесткой самоорганизацией, жители которого были независимы от любой внешней власти. Когда последователи Кальвина стали обращать в свою веру жителей таких больших стран, как Франция, Голландия и Англия, они соединяли святых в общества по образцу Женевы. Во Франции, к примеру, гугеноты основали конгрегацию по женевской модели со священниками, которые читали проповеди и совершали причастие, учителями, которые обучали детей, дяками, которые помогали бедным и обездоленным, и монахами, которые следили за порядком. Гугеноты подчинили эти конгрегации духу всеобщей дисциплины, создав локальные консистории и национальный синод, которому подчинялись и духовенство, и миряне. Каждый член кальвинистского объединения давал клятву подчиняться Закону Божьему и помогать его осуществлению, и этот договор, с которым все были согласны, вскоре стал аналогом конституции, связывающей кальвинистов в политическую или военную конфедерацию против их недругов по всему миру. Вооруженных женевскими преимуществами аскетизма, индустриализма, практического образования и моральной устойчивости, этих людей было сложно победить или заставить замолчать.

Сам Кальвин проповедовал подчинение христианскому королю. Но в 1558 г. Джон Нокс (1505—1572) озвучил свой «Трубный глас против чудовищного правления женщин», трактат, осуждающий католических королей, пришедших к власти к 1570 г. Гугеноты были согласны с тем, что сопротивление деспотам, женщинам или мужчинам, было Божественным предписанием.

Это мнение и без вмешательства кальвинистов было весьма привлекательно для большого числа знатных господ, которые надеялись восстать против своих тиранов, подорвать монархическое правление, возродив старую добрую феодальную систему.

Показательно то, что многие кальвинисты были профессиональными дельцами или мелкими землевладельцами, традиционными защитниками сильной королевской власти и эффективного централизованного правления. Эти представители среднего класса не имели даже мысли о том, чтобы повернуть время вспять и восстановить национальную суверенную власть в Западной Европе. Наоборот, они отказывались терпеть бездуховных правителей и были готовы бороться за право управлять страной.

С католической стороны Общество Иисуса – группа священников, основанная в 1540 г. святым Игнатием Лойолой, – вело разрушительную деятельность. Кальвин с презрением говорил об «иезуитах и прочем отребье», но схожесть между кальвинистами и иезуитами была поразительна: работая над диаметрально противоположными религиозными принципами, Лойола и Кальвин основали отборную, сплоченную группу фанатиков. Святой Игнатий разработал систему эмоциональной и интеллектуальной дисциплины для членов своего общества. К моменту смерти Лойолы в 1556 г. в организации было около тысячи иезуитов, в 1624 г. – уже 16 тысяч. И их влияние распространялось далеко за пределы их организации. Они основали сотни школ для обучения мальчиков, особенно старших классов, занимались определением и защитой авторитарных догматов церкви. Они становились священниками и, будучи обязанными защищать власть от еретиков, принимали на себя обязанности духовных исповедников католических королей.

Иезуитская воинственность, независимость и назойливое вмешательство во все дела церкви вызывали глубокую враждебность среди многих католиков. Для протестантов «иезуитский» означало почти то же самое, что и «Макиавелли» – проклятое слово для коварных интриганов и безнравственных тактиков, направляемых дьявольскими священниками.

Роль иезуитов была важна, поскольку они были поддержкой папского верховенства. Священники конца XVI в., будучи энергичными людьми, могли оказывать небольшое давление на католических правителей Западной Европы. Но иезуиты через свои школы и конфессии осуществляли более широкое воздействие. Иезуитские духовники изощрались в казуистике, искусстве идти на сделку с собственной совестью. Протестантам нравилось верить, что основным лозунгом иезуитов было «Цель оправдывает средства». На самом деле иезуиты имели успех в убеждении других воевать за церковь, поскольку храбро сражались сами. Иезуиты-миссионеры бесстрашно вторгались в протестантскую Англию и вызвали серию бунтов против королевы Елизаветы. Иезуитские памфлетисты во Франции дерзко призывали к низвержению безразличного ко всему Генриха III и гугенота Генриха IV. Кроме того, у иезуитов была своя сложившаяся система социальных отношений.

Кардинал Беллармин (1542—1621), самый известный из иезуитов-писателей конца XVI в., выражал ностальгические взгляды на христианский союз, который мог бы возглавить папа. Но Беллармин, как кальвинист, совершенно не одобрял абсолютную монархию. По его мнению, правители-еретики должны быть свергнуты и даже католическая власть должна быть ограничена.

Протестантские восстания и католические убийства конца XVI в. спровоцировали решения монархии развить систему наказания, чтобы поддержать абсолютную власть правителя. Политическая теория прошлого уже не работала. Согласно воззрениям Средневековья верховная власть была абсолютна, а теоретики Возрождения, например Н. Макиавелли, которые поставили верховную власть над законом, были явно далеки от того, чтобы разделить религиозные настроения конца XVI в. Было необходимо создать новую квазирелигиозную доктрину абсолютизма, чтобы ответить иезуитам и кальвинистам. Это была доктрина о божественном происхождении власти. Согласно ей правитель рассматривался как посланник Бога на земле и ему даровалась неограниченная власть. В его обязанности не входило соблюдение законов его страны – он отвечал только перед Богом. Даже когда его законы были тираническими и невыносимыми для жителей, он оставался посланником Бога, поскольку именно Бог послал его на трон для наказания людей за их грехи и они могли только молиться в ожидании прощения. И против короля восстать было невозможно. Эта теория, кажущаяся нам совершенно дикой и абсурдной, была чрезвычайно удобна в период Религиозных войн для людей, стремящихся к миру и порядку. Она была принята и католическими, и протестантскими правителями. Ее проповедовал Яков I Английский, а также французские короли от Генриха IV до Людовика XIV, им вторили Габсбурги и большинство правителей XVII в. Во время религиозных кон-

фликов и политической напряженности между 1559 и 1689 гг. почти все использовали заповеди Бога для достижения своих целей. Аристократические и буржуазные кальвинисты находили божественное оправдание бунтам, конституционализму и ограниченной государственной власти. Иезуиты искали оправдание свержению королей-еретиков и возвращению к папскому суверенитету. Правители видели в заповедях оправдание абсолютной монархии. Радикально настроенные личности находили там описание демократических свобод, республиканства и коммунизма. Таково было влияние политики на религию и религии на политику.

Испания времен Филиппа II

XVI в. стал для Испании веком процветания. Четыре великих правителя принесли в страну силу и мощь. Фердинанд (король Арагона, 1479—1516) и его жена Изабелла (королева Кастилии, 1474—1504) были основателями Новой Испании. Их внук Карл I, правивший в 1516—1565 гг. и более известный под своим германским именем Карл V, был самым могущественным королем в Европе в начале XVI в. Его сын Филипп II (правивший в 1556—1598 гг.) был самым влиятельным правителем конца XVI в.

Во время правления Фердинанда и Изабеллы две короны – Кастилии и Арагона – были объединены, Колумб открыл Америку. Когда на престол вззошел Карл V, конкистадоры подчинили себе инков и ацтеков и начали добывать серебро Перу и Мексики, в то время как испанская армия отделила Францию от Италии и снискала себе славу лучших солдат в Европе. На протяжении своего сорокалетнего правления Карл только 16 лет провел в Испании – из-за многочисленных дел в Германии, Италии и Нидерландах.

Но его отеческий способ управления страной пришелся испанцам по душе – он гарантировал им стабильность и спокойствие. В 1556 г. Карл оставил в наследство своему сыну Филиппу западную часть владений Габсбургов: испанские королевства Кастилию, Арагон и Наварру; Балеарские острова, часть форпостов в Северной Африке; Сардинию, Сицилию, Неаполь и Милан; Голландию, Нидерланды, Люксембург и Франш-Комте; за морем – Мехико, Флориду, Центральную Америку, Западную Индию, все побережье Южной Америки (исключая Бразилию, которой в то время владела Португалия, а также Чили и Аргентину, оставленную коренным жителям). К этому добавились Филиппинские острова и огромное количество малых островов Тихого океана. Филиппу II несказанно повезло в том, что он не унаследовал восточную часть земель Габсбургов – Австрию, Баварию и Венгрию, – и Габсбург потребовал императорский титул, который Карл передал австрийской части семейства. Несмотря на то что владения Филиппа были объединены недавно, они были более управляемыми, чем земли его отца. Это была Испанская империя с центром в Мадриде, с абсолютной властью монарха, политически независимая, насквозь пропитанная католицизмом, защищаемая непобедимой армией и подпитываемая практически бесконечной поддержкой поступаемых из Америки драгоценных слитков, чему завидовали противники Филиппа.

Испания XVI в. совершенно не походила на единую нацию. Филипп II был королем трех независимых государств – Кастилии, Арагона и Наварры: каждое со своей формой власти, традициями, языком и культурой. Филипп управлял каждым из них независимо от других, более всего концентрируя внимание на Кастилии – самом богатом, крупном и наиболее влиятельном из них. В Кастилии проживало около 7 миллионов человек, в то время как в Арагоне и Наварре вместе едва набиралось больше миллиона. Более того, Кастилией было проще всего управлять. Знать Кастилии была богата и социально сильна, но совершенно ленива в политике. Корона освобождала их от налогов и подтверждала их право на владение крупным производством. Получая в обмен полное одобрение королевской власти, благородные идалго, тоже освобожденные от налогов, были верными слугами короны. Коррехидоры Филиппа, представители короля, которые следили за управлением 66 кастильских городских советов, происходили из класса идалго. Кастильский кортес (парламент) был очень слаб. Только 18 городов присылали своих представителей, а знать и клерки были исключены из его состава. Филипп созывал парламент, чтобы собрать налоги, однако не давал разрешения депутатам менять законодательство. С другой стороны, в Арагоне знать представляла собой значительную политическую власть и парламент был более независимым. Филипп не трогал арагонскую знать, редко собирал парламент и избегал просить денег – небольшие суммы могли быть выжаты из Арагона и без этого. Итальянские подданные не могли дать большого дохода, в Голландии подданные отказывались

помогать. Король зависел от серебра из Америки, но главный удар по власти Филиппа был нанесен доведенными до крайней нищеты крестьянами Кастилии.

Распадающаяся Испанская империя была скреплена при помощи усиления бюрократизма. Король разослал своих наместников, преимущественно из кастильской знати, управлять дальними землями. Каждый наместник отвечал перед контролирующими советами в Мадриде – советами Италии, Фландрии, Индий. В каждом совете трудилось от 6 до 19 кастильцев, назначенных королем для управления законодательными, юридическими и религиозными делами на их территории. Также существовали советы Кастилии, Арагона и советы, занимающиеся каждодневными потребностями страны: военный совет, финансовый и совет инквизиции. Сам король редко посещал эти советы, но он просматривал все их решения и часто отвергал их. Только у него в руках находилась вся информация – настолько полная, насколько позволяла почтовая система, – со всех уголков его владений по каждому делу. Многие шутили по поводу медлительности испанского правительства и слишком неторопливого способа ведения дел. И в самом деле, тщательно продуманная бюрократическая система Филиппа исключала быстрые решения. Но, сталкивая министров и служащих между собой, король предотвратил саму возможность появления взяточничества и коррупции и заодно укрепил свою власть. Филипп был полноправным хозяином Испании.

Усиленное наблюдение Филиппа за своими удаленными колониями в Новом Свете продемонстрировало, насколько широко охватывает свои территории королевский парламент. Всего несколько десятков лет назад группа выносливых и хорошо подготовленных конкистадоров, возглавляемых Эрнандо Кортесом (1485—1547) и Франсиско Писсаро (ок. 1470—1541), захватила Мексику и Перу, подчинив миллионы послушных индейцев. Но Карл V и Филипп II решили воспрепятствовать конкистадорам и превратить колонии в развитые политические автономии, разделив страну на большие феодальные части или трансформировав королевскую власть в Америке. Для контроля за колонистами в Перу и Новую Испанию – Мексику – были высланы наместники из Кастилии. Чтобы они не становились слишком сильны, короли учредили в колониях суды, которые несколько ограничивали власть наместников.

Советы Индий держали в поле зрения как наместников, так и суды. Церковь, поддерживая государство, также выступала против порабощения индейцев колонистами. Корона получила одну пятую золотых слитков в Америке, защищая богатства от атак французских, английских и голландских мародеров. Военная мощь армии Филиппа II защищала его от появления колоний соперников в Индии и после 1600 г. Когда сэр Фрэнсис Дрейк напал на Карибские острова в 1570 г., по счастливой случайности ему удалось захватить испанцев в плен. Однако в 1595 г. он был с позором изгнан из Пуэрто-Рико и Панамы – там испанские укрепления были для него непреодолимы. Испанский флот был непобедим до 1628 г.

Испанское правительство настаивало на закрытии своих колоний для других поселенцев или торговцев. Карл V хотел открыть эти территории для любого жителя Габсбургской империи, но его политика быстро провалилась. Подданные Кастилии объявили Америку – открытую гегемонией – своей монополией. Весь товар из Америки должен был проходить через единственный кастильский порт в Севилье, где он осматривался и контролировался королевскими служащими – представителями Торгового дома. Каждый торговый корабль, находящийся в водах Америки, должен был получить лицензию в Торговом доме. Грузы, приходящие в Америку и увозимые из нее, тщательно досматривались его сотрудниками, основная работа которых, по сути, состояла в поиске и распределении золота и серебра.

Торговцы из Италии и Фландрии, а также из Восточной Испании были лишены лицензии на торговлю. Мавры и евреи, не принятые некогда в Испании (более полумиллиона их были вынуждены эмигрировать с Пиренейского полуострова между 1492 и 1609 гг.), обнаружили, что им не найти убежища и в Америке.

Слабостью Испании, с которой Филипп ничего не мог поделать, была неразвитость ее экономики. Страна была и остается по сей день горной, неплодородной и засушливой. Несмотря на то что 95 процентов населения составляли крестьяне, Испания XVI в. не производила достаточного количества зерна, чтобы прокормить население, и ей приходилось ввозить его из Средиземноморских и Балтийских стран. Знать, владеющая практически всеми территориями, предпочитала вместо земледелия разводить овец, поэтому шерсть мериносов была основным товаром, вывозимым из Испании. Испанцы продавали нечесаную шерсть во Фландрию по очень низкой цене, а обратно ввозили одежду по очень высокой стоимости, отдавая таким образом большую часть дохода в другую страну. О промышленности в Испании XVI в. говорить не приходится: большая часть промышленных товаров ввозилась из других стран. Жители Кастилии всегда ставили бизнес ниже войн и молитв, и большая часть их доходов и средств находилась в неумелых руках. У империи Филиппа было три торговых пути: между Испанией и Италией, между Испанией и Нидерландами и между Испанией и Америкой. На первом пути доминировали генуэзцы, на втором – голландцы. И только американский путь полностью контролировался Кастилией. Но даже здесь большинство кораблей не были испанскими. В конце XVI в. почти 200 кораблей в год курсировали между Севильей и Америкой, это был длинный, но весьма оживленный торговый путь. Ввоз слитков в Севилью достиг своего пика между 1580 и 1620 гг. В 1594 г. золото и серебро составляли 95 процентов экспорта. К сожалению, мало что задерживалось в Испании из-за проблем в экономике, средства шли на уплату долгов и кредитов.

Военную мощь империи Филиппа II подрывали неустойчивая экономика и несовершенная социальная структура Испании. Не хватало средств ни на поддержание армии, ни на крупные военные кампании. Во время его правления государственная казна была на грани опустошения. Филипп унаследовал от отца большие долги, и, отдавая их кредиторам в 1557 и позже, в 1575 г., он осознал порочность своей финансовой системы. Он был не в состоянии добиться былого богатства страны – знать была освобождена от налогов. Знать владела половиной земель в Кастилии, и средства, которые могли бы поступать от уплаты аренды 30 герцогами и 30 маркизами, составили бы миллион дукатов в год – это было больше, чем доходы от поставки слитков из Америки до 1580 г. Но эти деньги были недостижимы. Не мог Филипп взять достаточно и с торговцев и рабочих – в Испании этот класс был слишком мал по сравнению с остальными странами в Западной Европе. Единственным классом, с которого он мог брать налоги и делал это, были крестьяне. Он тратил американское золото очень быстро – как только оно появлялось в стране, – иногда даже закладывая будущие поставки. Но армия Филиппа поглощала все золото и все, вместе взятые, налоги. Когда жалованье военным стало задерживаться, армия погрязла в бесконтрольных бунтах и восстаниях. Лучше вообще не иметь армии, чем иметь армию, которую не можешь содержать, понял Филипп.

Одним из основных налогов во времена Филиппа был *cruzada* – сбор денег на священный поход, учрежденный папством для возобновления войны испанцев против ислама. Испанцы не могли понять настойчивости католиков в проведении церковной реформы. Испанская церковь опробовала свою собственную реформу в XV в., то есть раньше Лютера. С 1478 г. появляется испанская инквизиция, призванная очистить страну от ереси среди обращенных мусульман и евреев. Их ненавидели, их боялись, и к моменту начала правления Филиппа II проявились расистские действия против общественной деятельности всех, чья кровь была нечиста. Инквизиция действовала одинаково на территории и Кастилии, и Арагона, и Наварры, и, когда восстание протестантов было подавлено, инквизиция распространилась на огромную территорию, чтобы изгнать ересь из Испании. Все, что хотя бы слегка отклонялось от католичества, было объявлено лютеранством; жертвы подвергались пыткам и тайному суду, и, если была признана их вина и уклонение от нее, они передавались в руки светских властей для публичной расправы. Святой Игнатий Лойола был дважды осужден испанской инквизицией за пособниче-

ство в распространении ереси. Даже архиепископ Толедо, главный в Испании, был заточен в темницу своими врагами из инквизиции с 1559 по 1576 г. за помощь в распространении ереси. Несмотря на такую атмосферу, на горизонте страны ярким новым светом засияли двое святых конца XVI в. – святая Тереза из Авильи (1515—1582) и святой Иоанн Креста (1542—1591), так ярко показанные на полотнах Эль Греко (ок. 1548—1614). Испанская восторженность не распространялась на папство. Отношения между Мадридом и Римом постоянно оставались натянутыми. Как любой правитель своего времени, Филипп ревностно относился к любым вмешательствам в его церковь, и, кроме того, как утверждает Ж.Х. Эллиотт, «в своем сердце он считал религию слишком серьезным делом, чтобы доверить ее папе».

Каким человеком был Филипп II? Внешне застенчивым и скрытным, внутри – уверенным в своей католической вере и королевском величии. Он был худ, обладал неяркой внешностью, говорил медленно и мягко, редко улыбался, был начитанным и более одаренным духовно, нежели физически, и чувствовал себя самым счастливым человеком. Зачитывая постановления со своего трона, он никогда лично не управлял войсками. Он не любил путешествовать или общаться с людьми и после 1559 г. никогда не покидал Пиренейского полуострова. Но он жадно впитывал все сведения, которые смогли собрать его представители. Каждый день он погружался в массы бумаг, многие из которых были до абсурда тривиальны, и писал объемные комментарии на полях, иногда даже исправляя грамматические и орфографические ошибки. Король, как жаловались его подданные, желал управлять страной не вставая с трона. Он благоволел перед отцом, но не имел и десятой части общительного и энергичного нрава Карла.

Филипп перенес много разочарований и горестей. Он пережил четырех жен, сочетаясь браком лишь для продолжения династии. Будучи двадцатисемилетним юношей, он выбрал себе тридцативосьмилетнюю невесту. А после того как она умерла, тридцатидвухлетний король женился на девочке 14 лет. Шесть из его девяти детей умерли в детстве. Его первый сын, Карлос (1545—1568), имел физические изъяны и психические отклонения. Дон Карлос люто ненавидел отца, и, когда началось восстание в Голландии, он намеревался сбежать туда и присоединиться к восставшим. Однажды ночью в 1568 г. король ворвался в спальню сына со стражей, нашел оружие, и принца арестовали. С тех пор Филипп не видел более Карлоса. Шесть месяцев спустя принц умер. Историки до сих пор спорят, был ли это яд или самоубийство. Враги Филиппа тотчас воспользовались этим случаем. Они объявили короля жестоким тайным убийцей. С этих пор англосаксонские историки рисуют Филиппа в темных красках. Испанцы, напротив, помнят его как благоразумного короля и признают, что он был достойным и добросовестным правителем. Последняя точка зрения, как считают историки, ближе к правде, хотя его борьба против протестантов была явно не самым благородным и разумным поступком.

Филипп основал свой двор в Мадриде, в центре Испании. Но он страстно желал уединения, где мог бы пренебречь утомляющими его дворцовыми церемониями и надоедливymi аудиенциями с просителями и послами. Поэтому он выстроил Эскориал, огромное сооружение из серого гранита, вознесшееся над унылыми холмами на севере Мадрида. Здание, на строительство которого ушло 20 лет, полностью соответствовало желаниям и темпераменту Филиппа. За его суровыми, прочными стенами скрывались дворец, церковь, часовня и монастырь. Под огромным куполом церкви – она представляла собой одну из первых копий собора Святого Петра в Риме – король хоронил членов своей семьи и приготовил свою могилу. Он обретал мир и одиночество, уходя в монастырские кельи, построенные в одной из частей здания. В Эскориале находились роскошные комнаты, библиотека и картинная галерея. Но любимым местом Филиппа была скудно обставленная маленькая комната, из окна которой он мог наблюдать за высоким алтарем своей церкви, пока шла месса.

Несмотря на свою любовь к одиночеству, благоразумный король был движим своим усердием и способностью сыграть не последнюю роль в национальных конфликтах благодаря военной мощи страны. Первая часть его правления ознаменовалась войной против ислама, вторая –

борьбой против протестантов. На Средиземноморском фронте Филипп поступил очень умно, выслав войска и флот против воинов Мухаммеда. Когда в 1568 г. мавры в Гранаде подняли восстание, королевские войска быстро погасили бунт и более 150 тысяч мавров были заточены в тюрьмы во всех уголках Испании. На долю Филиппа выпало участие во встречах с пиратами у берегов Северной Африки. Он не смог остановить их атаки на испанские города и испанский флот, но он усилил защиту торгового флота в западных водах Средиземного моря. За пиратами стояла мощная Османская империя. Как и Испания, в первые годы правления Филиппа она находилась на пике своего развития. Турция занимала три четверти средиземноморского побережья, от Адриатики до Алжира, и ее территория постоянно расширялась. В 1565 г. она поглотила Мальту, в 1571 г. – Кипр. Для спасения ситуации Филипп объединился с Венецией и папством против Турции.

В октябре 1571 г. три сотни кораблей с 8 тысячами солдат и моряков вошли в пролив Лепанто для сражения с турецким флотом, имевшим большее количество кораблей и людей. Сражение при Лепанто вошло в историю как самое крупное морское сражение века между европейцами Запада и Востока. Оба флота состояли из галер, управляемых гребцами, и они сражались по старинному шаблону, стараясь протаранить корабль противника, зацепиться крюком и перебраться на корабль врага.

После нескольких часов беспощадной борьбы турецкий флот был уничтожен: три четверти кораблей с экипажем были потоплены или захвачены. Всегда осторожный, Филипп не подкрепил победу попыткой взятия Константинополя. Но он остановил экспансию Турции и доказал, кто король Средиземноморья. Среди солдат, воевавших в Лепанто, был молодой человек по имени Мигель де Сервантес (1547—1616). Много лет спустя в прологе к своим «Назидательным новеллам» Сервантес гордо написал о своем поражении: «В морской битве при Лепанто выстрелом из аркебузы у него была искалечена рука, и, хотя увечье это кажется иным безобразным, в его глазах оно – прекрасно, ибо он получил его в одной из самых знаменитых битв, которые были известны в минувшие века и которые могут случиться в будущем».¹

Успех Филиппа II пришел к нему в 1580 г., когда он присоединил Португальскую империю. Мать Филиппа была португальской принцессой, и, когда в 1580 г. умер король Португалии, не оставив после себя прямого наследника, Филипп имел право претендовать на трон. Португалия и Кастилия долгое время были политическими и экономическими врагами, и португальцы были настроены против кастильцев. Но ввоз серебра и обещания будущих наград завоевали доверие знати и высшего класса. И, что более важно, испанский король отправил армию для защиты страны. За четыре месяца испанские солдаты распространились по стране, и Филипп был коронован в Лиссабоне. Его новое королевство было маленьким – страну населяло чуть более миллиона жителей, зато, объединив Португалию, Кастилию, Арагон и Наварру, Филипп завершил объединение Пиренейского полуострова. Более того, Португальская империя была очень влиятельна, по размерам и главенству уступая только Испании. Теперь Филипп имел свои земли в Бразилии, на Азорских и других островах Атлантического океана, колонии с рабами в Африке, торговые пункты в Индии, острова со специями в Малайзии... Португальская торговля специями с Азией идеально дополняла испанские доходы от продажи американского серебра. У португальцев не было своего серебра, и им нужны были испанские деньги, чтобы закупать в Азии специи. Испанские колонисты в Америке желали иметь португальских рабов из Африки, а испанскому правительству нужен был Лиссабон (что было намного выгоднее, чем порты в Севилье или Кадисе) и португальский военный и торговый флот.

Но обещания 1580 г. не были выполнены. Включение Филиппом в состав своей империи Португалии было исключительно личным решением. Чтобы завоевать расположение португальцев, он пообещал сохранить независимость власти и экономики, назначая только долж-

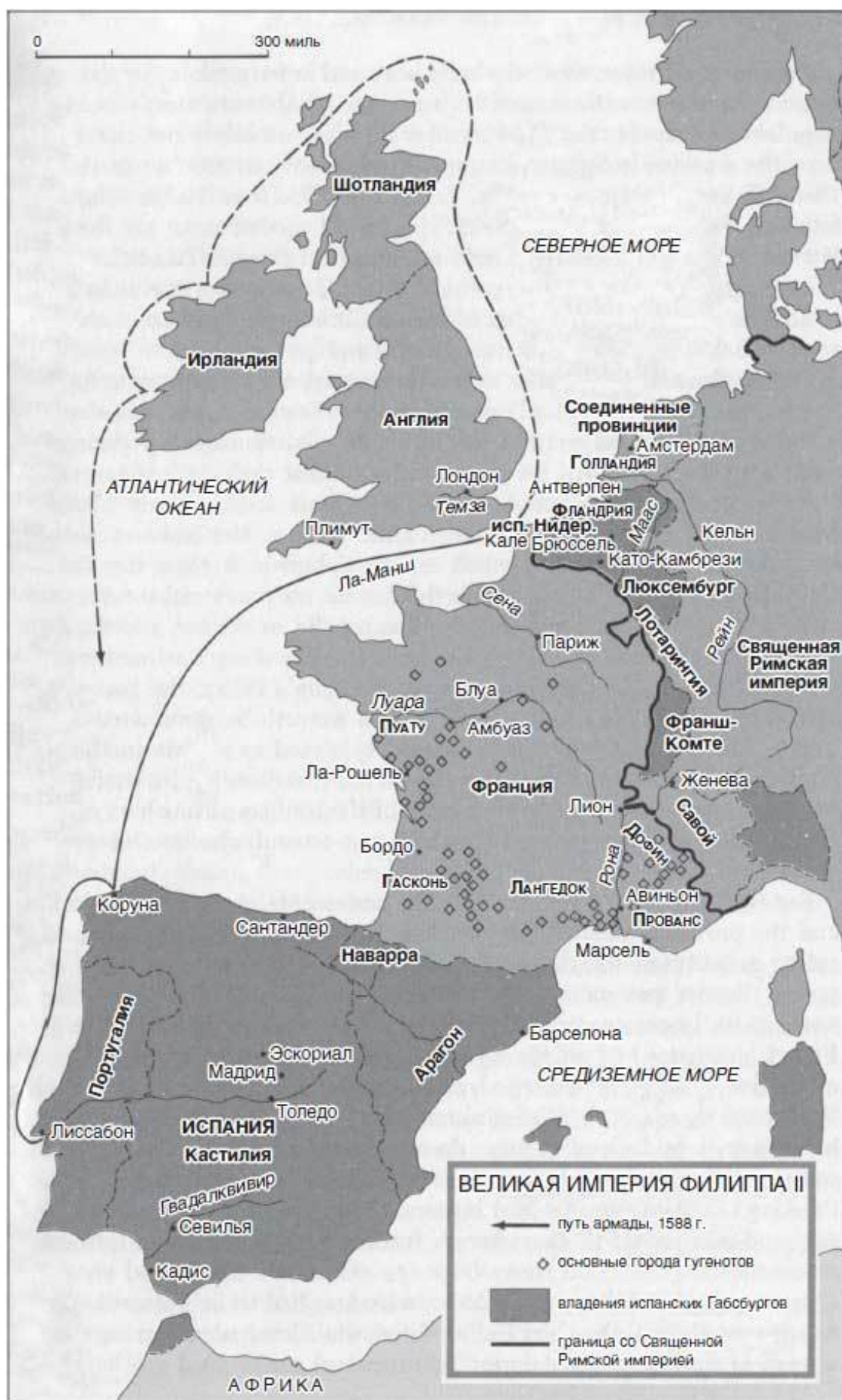
¹ Сервантес М. де. Назидательные новеллы. Перевод Б. Кржевского. (Примеч. пер.)

ностных лиц. Не было предпринято попыток разрушить границы или соединить испанскую и португальскую казну. Вначале приняв своего нового короля без особых волнений, спустя несколько лет португальцы стали видеть все меньше и меньше плюсов от объединения, особенно когда испанцы не смогли сдержать атаку голландцев на португальские колонии. Поэтому то, что должно было перерасти в долгосрочное и взаимовыгодное сотрудничество, продлилось всего 6 лет.

Присоединение Португалии направило внимание Филиппа на запад и север, а не на восток. Португалия была ближе к Атлантике, чем Испания, и Филипп в первое время собрал неплохую армию для битв со своими протестантскими противниками в Северной Атлантике – Англией и Нидерландами. К тому же в 1580 г. импорт слитков из Америки увеличился вдвое. Филипп получал в год теперь 2 миллиона дукатов серебром. Филипп почувствовал, что может добиться более масштабных и амбициозных целей на военном поприще, нежели раньше. Теперь настало время разрешить ситуацию, которая, по мнению Филиппа, постепенно ухудшалась с 1559 г. Мы должны понимать, что испанское правительство долго пыталось подавить еретические бунты в Голландии. Английские каперы совершали налеты на испанских индейцев с отчаянной безрассудностью. Французские Религиозные войны достигли критической стадии. В итоге в 1580 г. Филипп сделал своей целью решение всех этих проблем с помощью военной мощи. Его солдаты и моряки подавят бунт в Голландии, сомнут Англию и прекратят войну во Франции. Так католико-протестантский конфликт достиг своего пика.

Религиозные войны во Франции, 1562 – 1598

В противоположность Испании, которая стремилась к объединению и миру на протяжении всей второй половины XVI в., Франция находилась на грани истощения в результате 40 лет непрерывных гражданских войн. Граней у этой войны было много. Гугеноты воевали с католиками, группы аристократов объединились для противостояния королевскому двору, в Париже шайки воров и нищих, казалось, совершенно обезумели, а отдаленные провинции стремились вернуться к былой средневековой независимости. Безусловно, основным источником разногласий была религия, но она породила кризис во многих сферах жизни. Французские войны выявили все скрытые пороки европейской цивилизации XVI в. Французы, несмотря на свое духовное и культурное наследие, свою сбалансированную экономику и централизованное правительство, казалось, потеряли чувство общественного единства. Эта проблема была отчасти вызвана размерами страны. С точки зрения XVI в. Франция была очень большой и неравномерно населенной страной, с 15 миллионами населения – что равняется двум Испаниям. Впрочем, Франция была более тесно сплоченной страной, нежели Испания. Более серьезной проблемой конца XVI в. стало слабая верховная власть. Четыре короля династии Валуа, правившие после Франциска I (годы правления 1515—1547), были весьма заурядны. Между 1559 и 1589 гг. Екатерина Медичи была единственной заслуживающей пристального внимания фигурой. Политический талант Екатерины был несомненен, однако она мало что смогла сделать для страны в той ситуации. Она устала жонглировать католиками и гугенотами, сталкивая их между собой. Итогом стал крах династии Валуа и Франции.

На протяжении первой половины XVI в. Франция имела все основания для того, чтобы называться страной «новой монархии». Франциск I осуществлял свою власть через институт должностных лиц, через свою постоянно действующую армию, через управление налогами. Французское Национальное собрание не проводило заседаний между 1484 и 1560 гг. В отдаленных районах страны власть договаривалась с собственниками имений – так было удобнее держать их в подчинении. В Центральной Франции, где не было имений, посланники короля ежегодно устанавливали и собирали налог на соль и талью – земельный налог, который платили в основном крестьяне. Король был главой местной церкви. Согласно Болонскому конкордату 1516 г. папа римский соглашался с тем, что все французские аббаты и монахи назначались королем. Амбициозные члены дворянства служили при дворе в королевской армии, участвуя в войнах против Карла V. Это было не слишком обременительное занятие, но оно позволяло держать знать на приличном расстоянии от страны. Ясно, что основной целью Франциска I была монархия – централизованная и абсолютная.

Но король был не всевластен. Парламенты в Париже и провинциях требовали от короля соблюдения закона и в определенной мере являлись сдерживающей королевскую власть силой. Граничащие со страной провинции, например Бретань или Бургундия, недавно присоединенные к королевству, получили некоторые привилегии. Знать Франции имела те же права, что и знать Испании, включая освобождение от налогов, и осуществляла политический контроль над королевскими служащими на своем уровне. Одно установление XVI в., бывшее средством пополнения казны, – продажа должностей в королевских учреждениях – привело к тому, что король потерял контроль над чиновниками; звание королевского служащего стало передаваться по наследству, система стала походить на феодальную. Следующие трудности были связаны с периодом, когда религиозные споры стали волновать умы и эмоции людей. Однажды утром 1534 г. католики пришли в ужас, увидев плакаты, распространенные по всем основным городам Франции и объявлявшие нечистым таинство литургии. Самые отчаянные реформаторы наклеили плакат и на дверь спальни короля. Оппозиция центральной власти начала появляться во время правления Генриха II (1547—1559). Этот король интересовался только охотой и Дианой де Пуатье, своей фавориткой, которая была на 20 лет старше молодого короля. Он слегка стеснялся своей жены – флорентийской королевы Екатерины Медичи (1519—1589), потому что она вышла из семьи буржуа. При дворе Генриха три аристократические ветви – Гизы, Монморанси и Бурбоны – начали претендовать на установление контроля над королевской властью. Все они были готовы вернуть феодальные порядки, когда знатные рода Франции управляли ее землями, а король был скорее символической фигурой. И каждый слишком завидовал другому и старался максимально усилить свое влияние на короля. Герцог Монморанси, главнокомандующий французской армией, имел обширные земли и несколько сотен рыцарей. Бурбоны были принцами крови и имели бы больше всего прав на трон, если бы сыновья Генриха не оставили наследников. Предводителями Бурбонов были Людовик, принц Конде, и его брат Антуан, король Наварры, чье королевство находилось в Испании. Но самыми сильными были Гизы. Герцог Франсуа де Гиз был лучшим генералом Генриха, а его брат Карл, кардинал Лотарингский, возглавлял французскую церковь. Они выдали свою племянницу (будущую королеву Шотландии Марию) за дофина (с XIV в. титул наследника французского престола) и подталкивали Генриха к продолжению войны против Габсбургов. Тяжкое бремя военных налогов нарушило планы Генриха и почти полностью опустошило казну. Когда наконец он подписал мирный договор с Испанией в 1559 г., ему пришлось отказаться от всех претензий на Италию. Знать, которая участвовала в этих провальных кампаниях, тоже оказалась без средств к существованию. Но у Генриха уже не осталось времени, чтобы решить эти проблемы – он был убит во время турнира в честь празднования подписания Като-Камбрезийского мирного договора: копьё соперника попало ему в глаз.

Французский трон перешел к троим его сыновьям: Франциску II (правившему в 1559—1560 гг.), Карлу IX (правитель Франции с 1560 по 1574 г.) и Генриху III (правил в 1574—1589 гг.). Все трое находились под сильным влиянием матери. Но, хотя Екатерина Медичи была способна управлять сыновьями, она не могла управлять страной. Франция погрузилась в анархию, а из анархии – в гражданскую войну. Эта война была вызвана распространением кальвинизма. Гугеноты не только распространяли ересь, но и претендовали на смену власти. Это было хорошо организованное политическое общество. Поначалу работавшие тайно, они организовывали свою сеть конгрегаций по всей Франции. Даже когда Генрих II учредил суды для ареста и сожжения гугенотов, они продолжили распространяться. В 1559 г. они основали свой первый национальный синод. Они нападали на монастыри и грабили католические церкви, сжигая священные реликвии. В 1561 г. открыто работали 2150 объединений гугенотов, с более чем миллионом сторонников (во всей Европе на тот момент проживало около 15 миллионов человек).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.